

Лирическая поэзия как познание,
или
к вопросу о «внезапном» в творчестве и культуре

Аннотация: *Феномен лирической поэзии описывается в статье как особая, внутренне необходимая форма самоосуществления человека в культуре и – более того – как особая форма самоосуществления культуры как таковой. В основе этого феномена лежат принципы спонтанного самонахождения человеческой личности в ритмическом речевом потоке и одновременно – спонтанного приобщения личности к стихиям и смыслам языка и культуры. Оба эти принципа предполагают, во-первых, расширение поискового поля человеческой памяти и ассоциаций, а, во-вторых, поискового поля общения между людьми. Таким образом, лирическая поэзия оказывается необходимым ингредиентом исторического развития человеческой культуры. Исторически поддерживая в нас потребность неявного, но глубокого и задушевного собеседования с другими, не похожими на нас людьми, лирическая поэзия оказывается и существенным ингредиентом социальности и гражданских отношений, приучая нас к самопознанию и к стремлению найти контакты с другим человеком и, следовательно, к мудрости и толерантности.*

Ключевые слова: *лирическая поэзия, мышление, познание, творчество, культура, язык, экзистенция, внезапность, «спонтанная интеграция», собеседник, соотнесение, толерантность.*

На мой взгляд, само обращение к понятию *поэзии как познания* позволяет вступить не только в разговор о лирической поэзии, но и – шире – через философское раскрытие феномена лирической поэзии – в разговор о познавательных возможностях человеческого творчества и о смысловых богатствах человеческой культуры.

Британский ученый-естественник, науковед и философ Майкл Поланьи (1891-1976) определил творчество – особенно в решающих, «прорывных» его моментах – как «спонтанную интеграцию (spontaneous integration)», спонтанное воссоединение и, казалось бы, внезапное взаимное соотнесение дискурсных и образных потоков в человеческом сознании. Потоков, с точки зрения обыденного опыта, несоотнесенных и разрозненных¹. Это определение творчества как «спонтанной интеграции», выведенное Майклом Поланьи из историко-научного материала, можно было бы сполна отнести и к области лирической поэзии.

Действительно, мы смогли бы определить поэзию, поэтическое творчество как спонтанное, хотя, возможно, и годами вынашиваемое в глубинах «безмолвного знания» (tacit knowledge – категория, опять-таки принадлежащая Поланьи) взаимосвязанное самораскрытие речи в человеке и человека в речевом потоке. Это спонтанное преобразование «безмолвного знания» в осмысленный и упорядоченный в

¹ См.: Polanyi M. Genius in Science // Encounter. L. 1971. Vol. 38. # 1.

ритмической красоте речевой поток² было отмечено еще в ранней поэзии Пастернака, в книге стихов «Сестра моя жизнь»:

*И сады, и пруды, и ограды,
И кипящее белыми воплями
Мирозданье – лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной*³.

И коль скоро речь у нас идет не столько о творчестве вообще, сколько о творчестве именно поэтическом⁴, нельзя не подчеркнуть примат *языка* как основы поэтической «материи».

Вынашиваемые нами страсти и образы – во многих отношениях подсознательные или полусознанные⁵ – выходят в поэтическом акте на свет Божий, подчиняясь языку и одухотворяясь языком, а через язык – во всех законосообразностях и парадоксах языка – мыслью и самосознанием⁶. В поэтических ассоциациях, в их нелинейности, небанальности, неожиданности – именно через язык – проявляется и удостоверяется уникальность человеческого опыта и самого человеческого существования. Та творческая уникальность, которая до своих прямых проявлений выглядит почти непредсказуемой, – задним числом, *post factum*, великодушно позволяет анализировать свой творческий порядок и свою, если вспомнить понятийный аппарат Анри Бергсона, *творческую эволюцию*.

И вот этот-то парадокс заведомой непредсказуемости творческого акта и – в то же самое время аналитической его открытости задним числом – оказывается дополнительным аргументом в обосновании уникальности человеческого существования и связанных с ним интеллектуальных процессов. Процессов, когда вместе с новыми ответами на прежние вопросы меняются язык и содержание самих вопросов⁷.

Однако уникальность эта – не замкнутая, не загнанная в себя, но объективно рассчитанная на другого человека, на реального или же виртуального, воздвигаемого в самом себе, приглашаемого в свой внутренний мир ведомого или неведомого, видимого

² Преобразование «обычных слов» обыденного языка в благоупорядоченный речевой поток – одна из основных идей «Поэтики» Аристотеля.

³ Из стихотворения «Определение творчества» (1919?). Не отсюда ли – позднее разработанное Л. С. Выготским учение о творческом акте как о «разрядении» того мучительного и подчас долгого внутреннего напряжения, стресса, которые становятся предпосылкой творческих состояний?

⁴ Не случайно само употребляемое нами понятие поэзии восходит к греческому ποιησις – творчество, делание.

⁵ Мир нашего подсознания – не только устрашающее фрейдовское Оно. Коренящееся в глубине нашего психо-физического состава ладовое чувство преобразуется в человеческом опыте в некоторую универсальную и с трудом поддающуюся рациональному истолкованию *интуицию красоты* (см.: Руднева С. Д., Фиш. Э. М. Музыкальное движение. – М.: Просвещение, 1972). Ту самую интуицию, которой свойственно облагораживать и наше сознание, и наш художественный, научный и философский опыт, и наш всегда недосказанный опыт переживания и постижения Святыни. И даже опыт повседневной «быстротекущей» (Пушкин) жизни.

⁶ См.: Campbell J., Moyers B. The Power of Myth. – N. Y., etc.: Doubleday, 1988.

⁷ См.: См.: Кузнецова Н. И., Розов М. А., Шрейдер Ю. А. Объект исследования – наука. – М.: Новый хронограф, 2012.

или невидимого собеседника или адресата⁸. Иногда собеседник может именоваться в третьем лице, как это произошло в одном из вершинных произведений лермонтовской лирики – в стихотворении «Сон» («*В полдневный жар в долине Дагестана...*»). Но и здесь воздвигнутый силою поэтического воображения безмолвный собеседник не перестаёт быть собеседником.

И Сам Всевышний переживается и осмысливается нами в поэтическом процессе – или в непосредственном авторском творчестве или же в нашем, читательском, невольном «присоединении» к творческому акту большого поэта – именно как Собеседник. Отсюда и особый жанр лирической поэзии: поэтическая молитва, обращение к Вышнему «Ты». Так было у Псалмопевцев, так продолжается и поныне. И диапазон поэтического молитвенного опыта огромен: от вдохновенного поэтического славословия (державинская ода «Бог»⁹) до тихого, почти приглушенного – исповедального – собеседования.

Хотелось бы привести в этой связи два коротких стихотворения-исповеди. Одно из них принадлежит раннему Пастернаку (1915 г.). Вот это восьмистишие без заглавия:

*Не как люди, не еженедельно,
Не всегда, в столетье раза два
Я молил Тебя: членораздельно
Повтори творящие слова.*

*И Тебе ж невыносимы смеси
Откровений и людских неволь.
Как же хочешь Ты, чтоб был я весел?
С кем бы стал Ты есть земную соль?*

А вот еще одно собеседование – молитва-четверостишие, – на сей раз принадлежащее другому великому мастеру Славянского поэтического ареала: польскому поэту Леопольду Стаффу (1878-1957). Четверостишие, написанное Стаффом на исходе жизни, даю в собственном переводе:

*Перешагнув рубеж последний,
Припомню ль, как зовешься Ты,
Мой неумолчный Собеседник¹⁰
Из мира вечной немоты?*

Оригинал:

⁸ О «воздвижении собеседника» как одном из непреложных и основополагающих принципов лирической поэзии см.: *Рашковский Е. Б.* Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 319-332.

⁹ Одно из художественных «волшебств» этой оды – парадоксальное, но поэтически органичное сочетание духовных медитаций и славословий, восходящих к библейской и православно-литургической поэзии, с комплексом философских и естественно-научных представлений XVIII столетия. Подробнее об этом см.: *Рашковский Е. Б.* Указ. соч. С. 333-349.

¹⁰ В польском оригинале: “Druga osoba dialogu”.

*Stojąc sam na milczenia progu,
Tracę na zawsze twoje imię,
Druga osoba dialogu,
Wiecznej mgławicy pseudonimie.*

На мой взгляд, исповедальный мотив в лирической поэзии есть выражение самой ее сути: стремление каким-то образом понять и «высказать себя»¹¹ в благоупорядоченном речевом потоке и в этом же потоке расслышать и восчувствовать незримого, но столь необходимого нашему человеческому существованию Собеседника. И в этом смысле, как писал итальянский философ Бенедетто Кроче, поэзия синонимична человечности; более того, она сама – «квинтэссенция человечности»¹².

И что, действительно, важно: через эту, казалось бы, внезапную, заведомо непредсказуемую красоту соотнесения человеческих чувствований, идей и образов в контексте ритмически упорядоченной и благозвучной речи¹³ оттачивается острота, небанальность и свежесть наших ассоциаций, острота «спонтанной интеграции» нашего опыта личной встречи с образом, мыслью и словом. Через эту «интеграцию» оттачивается и развивается мыслительный дар человека. И, следовательно, – сам человек во всём богатстве его художественного, жизненного и духовного опыта¹⁴.

Более того, само это собирающее, спонтанно интегрирующее свойство поэтического мышления дает возможность человеческому сознанию собирать в себе не только Большой мир, обычно дробимый и раскалываемый приемами сознания обыденного, равно как и элементарными правилами элементарного дискурсивного мышления, – но и собирать в потоках внезапных ассоциаций, в потоках ритмически упорядоченной речи свой собственный внутренний мир, свой собственный Микрокосм. Так, в разговоре с Йоханном Петером Эккерманом от 27 января 1824 г. Гёте говорил, что опыт поэта – особенно на исходе жизни – связан с припоминанием богатства жизни через самого себя, через собственное внутреннее пространство, через собственную внутреннюю «летопись» (als Annalen)¹⁵... И не напоминает ли эта гётевская мысль о «летописи» одну из самых базовых и универсальных идей мировой философской мысли – платоновскую идею о припоминании (анамнесис) как об одном из оснований собирания мира-в-мышлении и мышления-в-мире?¹⁶

*

¹¹ «Как сердцу высказать себя?» (Тютчев, “Silentium!”).

¹² Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Пер., сост. и комм. Св. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 1999. С. 349.

¹³ Разумеется, лирическая поэзия знает и ритмические перебои, и фонетические «зияния» (хиатусы), и нагнетание образов заведомо неэстетичных (как это было у Бодлера, Рембо или у их эпигонов, как это было у Маяковского или у Брехта), но поэтический эффект здесь возможен именно потому, что у самой «крутой» поэтической экспрессии существует *объективный контрастный фон* благоупорядоченной речи. Обыгрывая отклонения, «проклятые поэты (les poètes maudits)» лишь подчеркивали и обогащали силу правила.

¹⁴ См.: Штейн А. Л. Четыре века испанской эстетики // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение / Пер. с исп. / Составление, вступ. статья А. Л. Штейна. Комм. А. Л. Штейна и Н. В. Брагинской. – М.: Искусство, 1977. С. 43-44.

¹⁵ См.: Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in letzten Jahren seines Lebens. – В.: Aufbau, 1956. S. 101.

¹⁶ Федр, 249 b-d.

Так что за философской основой концепции поэтического познания – той самой, что была развернута выше, прежде всего исходя из материалов древнегреческой поэтики, оттененных, однако, учетом европейского и славянского поэтического опыта последних веков, – угадывается особый опыт *внезапного соотнесения*. Взаимного соотнесения языка, нашего внутреннего мира и нашей универсальной, хотя и всегда недосказанной интуиции красоты. И сама эта идея внезапности отчасти вырывается за пределы философского наследия древней Эллады и Европы и отчасти сближает нас с духовным и художественным наследием Востока – древнего Египта, Израиля, Индии, Китая, Японии... И это же обстоятельство несомненно сближает нас с традициями христианской патристики и мистики Нового времени (вспомним хотя бы «Аврору» или «Христософию» Иакова Бёме, вспомним поэзию и поздние философские труды Вл. Соловьева, а ближе к нынешнему времени – мистическую антропологию Анри Бергсона).

И не случайно идея *внезапного соотнесения* (за которой – века и века медленной и упорной работы всечеловеческой мысли и воображения) стала одной из базовых идей европейского философствования XX – XXI столетий. И можно вспомнить в этой связи одно из замечательных философских наблюдений Гастона Башляра – “La poésie est une métaphysique instannée” – «Поэзия есть некая метафизика во мгновение»¹⁷.

Собственно, это парадоксальное определение поэзии, данное Башляром, и подводит нас ближе всего к пониманию поэтического мышления не только как «познания» и не только как формы самоорганизации человеческой экзистенции (хотя и такая трактовка существенна), но и как некоей окрыленной мудрости. Этой мудростью отчасти создается человек на ранних этапах его жизни¹⁸; эта же мудрость спасает весь комплекс внутреннего опыта человека от односторонне-отупляющей прямолинейности, от банальности и рутины; она выводит мысль и сердце из отчаяния и внутренних тупиков; эта же мудрость, если вспомнить платоновский диалог «Федон», исподволь готовит нас и к расставанию с земной жизнью¹⁹.

Для многих миллионов людей поэтический опыт детских и отроческих лет, а также опыт насыщенных поэзией богослужений становится одной из важнейших предпосылок их интеллектуальной и духовной стойкости.

Но это не всё.

За долгую мою жизнь мне довелось услышать и прочесть множество устных и письменных свидетельств узников сталинских и гитлеровских тюрем и лагерей. И попадались среди них и такие (свидетельства, напр., австрийца Бенедикта Каутского, польки Марии Зарембиньской-Броневской, россиян Варлама Шаламова, Евгении Гинзбург, Александра Солженицына, Алексея Эйснера, Георгия Демидова, Григория Померанца и др.), согласно которым памятование о поэзии, припоминание поэтических текстов оказывалось одной из предпосылок выживания или, по крайней мере, сохранения своего достоинства в тех условиях, которые были заведомо направлены на уничтожение человеческого в человеке. Поэзия – эта «квинтэссенция человечности» (еще раз вспомним определение, принадлежащее дону Бенедетто Кроче) – приходила на помощь обреченным.

¹⁷ Bachelard G. Le droit de rêver. – P.: Presses univ. de France, 1970. P. 224.

¹⁸ Важная роль элементов поэтического мышления в человеческом онтогенезе обоснована в книге К. И. Чуковского «От двух до пяти» - в книге, ставшей необходимым пособием для лингвистов, психологов, филологов и философов. Да отчасти – и для самих поэтов. Что же касается этой же проблемы применительно не только к нашему онто-, но и филогенезу, – то она рассматривается в трудах сэра Джона Кэрю Эклза (1903-1997) по физиологии центральной нервной системы.

¹⁹ См.: Федон, 67 е – 68 с.

О чем всё это говорит? – На мой взгляд, в первую очередь об универсализации человеческого существования в поэтическом опыте: будь то в опыте непосредственного творчества, будь то в опыте припоминания прекрасного стиха. И это соприкосновение с опытом поэтического познания оказывается одной из предпосылок исцеления и благоупорядочения нашего в каждом поколении распадающегося мира.

Так что поэтический опыт – не только «отражение» мира, но и воссоздание мира через внутренние творческие силы человека.

*

Мне неоднократно приходилось читать и слышать суждения о том, что поэзия *национальна*. Живя и дыша в пространствах национальных языков и культур, она не только «отражает» их былые и текущие состояния, но и сама участвует в духовном самоопределении конкретных народов. И всё это святая правда. Только вот – не вся правда.

Высокие произведения поэзии, подсказанные единством человеческой природы, подсказанные базовыми и сквозными основами наших ощущений, чувствований, языков и мышлений, не только национальны, но и общечеловечны. Поэзии, в особенности поэзии лирической, свойственно, не отрицая национального, возводить его к универсальному. Конкретные, обусловленные спецификой национальных языков и национальных историй, поэтические образы, ассоциации, выражения и высказывания приобретают и со временем наращивают всеобщий смысл. И потому становится понятной насущная потребность поэтических переводов, их «высокое искусство»²⁰ *переводить* не только поэтические тексты, но и *переводить* нас самих из пределов наших привычных культурно-лингвистических ареалов в ареалы иные²¹. Задача воистину необходимая на том крохотном и чересполосно населенном сгустке космической материи, имя которому – Земля. В этом смысле лирическая поэзия воистину – *magistra tolerantiae*, наставница толерантности.

Вообще, надобно заметить, что поэтический перевод как *соотнесение и сопоставление* несхожих областей мысли, творчества и культуры – необходимый элемент индивидуального, группового и универсального развития человека и человечности²².

Приглядимся в этой связи к истории нашей собственной российской культуры. Псалмопевцы, Экклезиаст, Омар Хайям, Шекспир, Гёте, Роберт Бернс или Федерико Гарсия Лорка оказываются в числе любимых «российских» поэтов. Стихи шотландца Уильяма Вордсворта («Вечерний звон») или поляка Владислава Сырокомли («Когда я на почте служил ямщиком...») благодаря русским поэтам Ивану Козлову и Леониду Трефолеву стали у нас народными песнями.

Можно привести и такой пример из культурной истории Индии прошлого столетия. Книга стихов «Гитанджали» («Приношение песен») Рабиндраната Тагора – как бы своеобразная индийская Псалтирь. Протооригинал – рифмованные стихи Тагора на бенгали. Английский же вариант был написан самим Тагором свободным стихом и отредактирован ирландским поэтом Уильямом Батлером Йейтсом. В мире, как и в самой

²⁰ Название неоднократно переиздававшейся одноименной книги К. И. Чуковского, посвященной поэтическому переводу.

²¹ См.: *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. – М.: Наука-ГРВЛ, 1989.

²² Идеей перевода как необходимой части мыслительного процесса *сопоставления* я обязан труду М. А. Розова и его коллег (см.: *Кузнецова Н. И. и др.* Указ. соч. С. 262-265).

Индии, более всего популярна именно английская версия этой книги. У нас же в России первый и притом популярный среди интеллигенции перевод этой английской версии был выполнен еще до Революции русскоязычным литовским поэтом Юргисом Балтрушайтисом... Земные пути поэзии воистину неисповедимы.

*

А в заключение мне хотелось бы подкрепить теоретические тезисы этого рассуждения двумя конкретными поэтическими примерами: стихотворениями двух великих поэтов относительно недавнего прошлого – американки Эмили Дикинсон (1830-1886) и нашего соотечественника Бориса Пастернака.

Итак, Эмили Дикинсон – “There came a Wind like a Bugle...” (1883)²³; даю опять-таки в собственном, притом весьма свободном, переводе:

*Сотрясая
Липы и клены,
Трубный Шквал
Ворвался к нам поутру.
Словно Холодом
Каким-то зеленым
Перечеркнуло
Покой и жару.*

*И в этот час – показалось мне –
Ворвалась Судьба сама, –
И в Изумрудном
Горели Огне
Форточки,
Рамы,
Домá...*

*Вострепетали
Деревья и реки,
И ветер был,
Как холодный металл,
А колокол,
Словно сорвался с цепи,
О прошлом и будущем
Провецал...*

*А мир,
Недосказанный вовеки, –
Покуда стоит,
Как и прежде стоял!*

²³ Даю это стихотворение в собственном переводе.

Оригинал:

There came a Wind like a Bugle –
 It quivered through the Grass
 And a Green Chill upon the Heat
 So ominous did pass
 We barred the Windows and the Doors
 As from an Emerald Ghost –
 The Doom's electric Moccasin
 That very instant passed –
 On a strange Mob of panting Trees
 And Fences fled away
 And Rivers where the Houses ran
 Those looked that lived – that Day –
 The Bell within the steeple wild
 The flying tidings told –
 How much can come
 And much can go,
 And yet abide the world!

Другое стихотворение – «Свидание» Бориса Пастернака (1949) – представляется мне одной из вершин русской любовной лирики прошлого, Двадцатого столетия:

*Засынет снег дороги,
 Завалит скаты крыши.
 Пойду размять я ноги:
 За дверью ты стоишь.*

*Одна, в пальто осеннем,
 Без шляпы, без калош,
 Ты борешься с волненьем
 И мокрый снег жуешь.*

*Деревья и ограды
 Уходят вдаль, во мглу.
 Одна средь снегопада
 Стоишь ты на углу.*

*Течет вода с косынки
 По рукаву в обшлаг,
 И каплями росинки
 Сверкают в волосах.*

*И прядью белокурой
 Озарены: лицо,
 Косынка, и фигура,
 И это пальтецо.*

*Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.*

*И в нём навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.*

*И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
И провести границы
Меж нас я не могу.*

*Но ко мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?*

*

Эти два стихотворения выбраны мною для разговора о специфике поэтического познания не случайно.

В стихотворении Дикинсон – внезапное открытие сил одухотворенной коммуникации (изумрудного пламени самой судьбы) в природе и в очеловеченных ландшафтах (форточки, рамы, колокол...).

А в стихотворении Пастернака – внезапное открытие сил одухотворенной коммуникации в человеке и между людьми.

В обоих случаях поэтический разговор идет о мгновенных *прорывах вечности* – воистину, если вспомнить определение Башляра, – о «метафизике во мгновение». Вспомнить о том, что таинственная основа мира – не в покоящихся «сущностях», но в динамике и в живой, животворящей коммуникации. В коммуникации, проходящей через глубину наших собственных существований.

Определение лирической поэзии как «метафизики во мгновение», в конечном счете, помогает нам уяснить, что же такое есть поэтический способ познания. На мой взгляд, поэтический способ познания есть особое умение высказать в кратком, ритмически организованном слове эту самую метафизику живого и мгновенного взаимного соотнесения вещей, сознаний и сердец, на котором, в конце концов, и строится человеческая вселенная. И понять это соотнесение.

29.08.13 – 22.04.15

Список литературы:

1. Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Пер., сост. и комм. Св. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 1999.
2. Кузнецова Н. И., Розов М. А., Шрейдер Ю. А. Объект исследования – наука. – М.: Новый хронограф, 2012.
3. Рашковский Е. Б. Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.
4. Руднева С. Д., Фиш Э. М. Музыкальное движение. – М.: Просвещение, 1972.
5. Топоров В. Н. Пространство культуры и встреча в нем // Восток – Запад. Исследования. Переводы, Публикации. Вып. 4. – М.: Наука-ГРВЛ, 1989.
6. Чуковский К. И. Высокое искусство. – М.: Сов. Писатель, 1968.
7. Чуковский К. И. От двух до пяти. Живой как жизнь. – М.: Детская литература, 1968.
8. Штейн А. Л. Четыре века испанской эстетики // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение / Составл., вступит. статья А. Л. Штейна. Коммент. А. Л. Штейна и Н. В. Брагинской. – М.: Искусство, 1977.
9. Bachelard G. Le droit de rêver. – P.: Presses univ. de France, 1970.
10. Campbell J., Moyers B. The Power of Myth. – N. Y., etc.: Doubleday, 1988.
11. Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in letzten Jahren seines Lebens. – B.: Aufbau, 1956.
12. Polanyi M. Genius in Science // Encounter. L. 1971. Vol. 38. # 1.

References (transliteration):

1. Croce B. Antologija sochinenii po filosofii. Istorija. Ekonomika. Pravo. Etika. Poezija. – St. Petersburg: Pnevma, 1999.
2. Kuznetsova N. I., Rozov M. A., Shreider Ju. A. Objekt issledovaniia – nauka. – Moscow: Novyi khronograf, 2012.
3. Rashkovsky E. B. Smysly v istorii. Issledovaniia po istorii very, poznaniia, kul'tury. – Moscow: Progress-Traditsiia, 2008.
4. Rudneva S. D., Fish E. M. Muzykal'noie dvizheniie. – Moscow: Prosveshcheniie, 1972.
5. Toporov V. N. Prostranstvo kul'tury i vstrechi v nem // Vostok – Zapad. Issledovaniia. Perevody. Poblíkaysii. Vypusk 4. – Moscow: Nauka-GRVL, 1989.
6. Chukovsky K. I. Vysokoie iskusstvo. – Moscow: Sov. Pisatel', 1968.
7. Chukovsky K. I. Ot dvukh do piati. Zhivoi kak zhizn'. – Moscow: Detskaia literatura, 1968/
8. Shtein A. L. Chetyre veka ispanskoi estetiki. Renessans. Barokko. Prosveshcheniie / Sostavleniie, vstupitel'naia stat'ia A. L. Shteina. Kommentarii A. L. Shteina i N. V. Braginskoi. – Moscow: Iskusstvo, 1977.
9. Bachelard G. Le droit de rêver. – Paris: Presses univ. de France, 1970.
10. Campbell J., Moyers B. The Power of Myth. – N. Y., etc.: Doubleday, 1988.
11. Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in letzten Jahren seines Lebens.. – Berlin: Aufbau, 1956.
12. Polanyi M. Genius in Science // Encounter. London. 1971. Vol. 38. # 1.

